

УДК 81'42:32

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Шейгал Е.И.

Актуальность. Всякий институциональный дискурс, в том числе и политический, представляет собой комбинацию универсальных и специфических характеристик. Универсальные черты политического дискурса определяются его мотивационно-целевой доминантой и базовыми стратегиями, моделями организации семиотического пространства и определенным набором жанров.

Лингвокультурная специфика политического дискурса прослеживается по трем основным линиям: а) национальные особенности мира политического и, соответственно, его вербального отражения; б) различия в базовых ценностях культуры, определяющих политические ориентиры; в) сложившиеся в том или ином социуме традиции и шаблоны речевого поведения (в том числе и в рамках политических институтов).

Соответственно, будем говорить об онтологическом, аксиологическом и структурном аспектах выявления специфического в политическом дискурсе разных лингвокультур. **Онтологический аспект** предполагает анализ политических реалий и, шире, всех компонентов, составляющих фоновые знания, в том числе мифологем и прецедентных феноменов. **Аксиологический аспект** сосредоточен на рассмотрении ценностей, к которым имплицитно и эксплицитно апеллируют участники политического дискурса в целях аргументации и манипуляции. Ценности мотивируют стратегии речевого воздействия, определяют различия в структуре базовых концептов, особенно их образной и оценочной составляющих, влияют на характер построения имиджа политического лидера. **В структурном аспекте** выявляются особенности актуализации универсальных жанров политического дискурса, различия в поведенческих стереотипах и стратегиях построения дискурса.

Постановка проблемы. Политический дискурс насыщен такими реалиями политической жизни, как имена политиков, названия политических институтов, организаций и документов, событий в политической истории страны, общеизвестная политическая символика. Примером такой сугубо американской политической реалии является *electoral college* (коллегия выборщиков). Незнание сущности этого института вызывает недоумение в ситуации, когда кандидат, имеющий большинство голосов в абсолютном общенациональном измерении, проигрывает выборы, поскольку в расчет принимается количество штатов, в которых он одержал победу, и количество голосов выборщиков, приписанных каждому штату в зависимости от населения.

Существуют разные уровни глубины знания политических реалий. Так, например, поверхностный уровень знания основных политических партий США – Республиканской и Демократической – составляет знание их символов (слон и ослик) и имен президентов, представляющих ту или иную партию. Более глубокий уровень знания этих реалий предполагает понимание того, интересы каких социальных групп они представляют, каковы основные приоритеты партии в области внутренней и внешней политики (в частности, баланс власти между правительствами штатов и федеральным правительством), какова их позиция по более частным вопросам, актуальным в тот или иной период времени (право на аборт, продажа оружия гражданам, однополые семья и др.).

Набор мифологем в каждой лингвокультуре всегда национально специфичен. Эта специфика проявляется и в области политической коммуникации. Как отмечает американский политолог Д. Хан, наиболее ярко это проявляется в базовых мифах, лежащих в основе национальной идеи, например миф об особом пути России или миф о мессианстве Америки [4].

В политическом дискурсе существуют денотативно лакунарные мифологемы: например, *domino theory/теория домино*, согласно которой установление коммунистического режима в одной из стран к-л. региона неизбежно приведет к революционным переворотам в других странах. Мифологемы могут быть и коннотативно лакунарными: например, *Camelot (Камелот)*, восходящая к названию столицы короля Артура и его благородных рыцарей. Культурная коннотация, неизвестная большинству русскоязычных реципиентов, заключается в том, что она содержит идеализацию президентства Кеннеди, романтический миф о минувшей эпохе аристократизма, утонченного вкуса и элегантности, благородного мужества. В настоящее время произошло развенчание мифа и данная мифологема используется иронически [5].

В каждой лингвокультуре (более того, в каждом социуме/микросоциуме внутри той или иной культуры) существует свой специфический набор прецедентных текстов и ситуаций и связанных с ними прецедентных имен и высказываний. В ядро корпуса политических текстов, прецедентных для большинства американцев, входят *Декларация независимости*, *«Письмо из Бирмингемской тюрьмы»* Мартина Лютера Кинга (*Letter from Birmingham Jail*), *Геттисбергское обращение* А. Линкольна (*Gettysburg Address*).

В качестве примера прецедентных высказываний, широко известных представителям американской лингвокультуры, можно привести *«Read my Lips. No new taxes» (Слушайте внимательно! Никаких новых налогов)* – обещание, данное Дж. Бушем-старшим во время предвыборной кампании 1988г. Став президентом, однако, он не сдержал данного слова и подписал непопулярный законопроект о налогах, что в значительной степени способствовало его поражению на следующих выборах. Выражение стало нарицательным обозначением неумения политика держать слово.

Одной из особенностей американской лингвокультуры в области политического дискурса является наличие в корпусе прецедентных текстов ссылок на известные судебные решения (*Marbury vs Madison; Brown vs Board of Education; Plessy vs Ferguson; Miranda decision* и др.). Так, в президентских дебатах 2004 г. неоднократно упоминается *Roe vs Wade* – постановление Верховного суда США, законодательно регулирующее право на аборт.

Различия в базовых ценностях культуры составляет основу различных проявлений культурно-специфического в дискурсе. Ценности в политическом дискурсе нередко формулируются эксплицитно, особенно в таких жанрах, как партийная программа, инаугурационная речь, лозунг и другие жанры предвыборной агитации.

Сопоставительный анализ политических портретов в российском и американском политическом дискурсе 2000-2002 гг. показал, что в российских политических портретах наиболее частотной является апелляция к следующим ценностям: стабильность, перемены к лучшему, продолжение реформ, развитие экономики, порядок; в американских – community, opportunity, safety [1].

В американском предвыборном дискурсе невозможно представить лозунг, аналогичный нашему *«Мы за русских! Мы за бедных!»* (избирательная кампания 2004 г. в Волгоградской области). Во-первых, использование этнонима как средства социальной идентификации в американском обществе считается политически некорректным в целом, а тем более демонстрация политиком поддержки только одной этнической группы в многонациональном социуме. Во-вторых, нелепо выглядит представление всех русских как бедных (отсюда следует импликация «Богатство (неправедное) у нас наживают только инородцы, поэтому мы их не любим»). И, наконец, согласно русским нормам этики, бедных надо жалеть, им надо помогать; в

Америке же распространена точка зрения, что бедность нельзя оправдать, люди сами виноваты в своей бедности (беден – значит, ничего не делаешь для того, чтобы жить лучше).

Американский индивидуализм предполагает расчет на собственные силы (self-reliance), активную жизненную позицию. В коллективистской культуре российского общества культивируется концепт народа как пассивной личности, которую обманывают и эксплуатируют, которую кто-то должен накормить и обеспечить всеми жизненными благами. Такая позиция ярко отражается в предвыборном дискурсе многих российских политиков: *По умолчанию все думают: заживут, как олигархи. Это – очередная дуриловка, наподобие ваучеров. Накормить народ..... Народ за 12 лет изголодался от идеологических дум. К сожалению, государство обращается с гражданами нашей страны, подчас как с дойной коровой.* В многочисленных примерах подобного рода отражаются такие черты русского национального характера, как сервильность, потребность ощущать зависимость от авторитета, власти, мечтательность, непрактичность.

Аксиологический аспект национально-культурной специфики институционального дискурса проявляется также в особенностях дискурсообразующих концептов. В ядре концептосферы политического дискурса преобладают концепты-«интернационализмы», в качестве имен которых нередко выступает интернациональная лексика: *тоталитаризм, парламент, политик, президент, деспотия* и др. И тем не менее, концепты-аналоги являются далеко не эквивалентными как по понятийному содержанию, так и по культурно-ассоциативному спектру. В этом можно убедиться, сопоставляя концепты «либерализм /liberalism» и «демократия/democracy» в американской и русской лингвокультурах.

В американской лингвокультуре liberalism часто актуализируется в связке с концептом conservatism. Произвольно взятый фрагмент выборки по результатам Интернет-поиска обнаруживает их весьма жесткую оппозитивную детерминацию: *Generally speaking, American liberalism and conservatism are siblings, or at least cousins... An interesting article about what liberalism is exactly, and how it differs from conservatism... Conservatism vs Liberalism...* Либерализм в Америке ассоциируется с политикой Демократической партии, стоящей за более активное участие правительства в решении социальных проблем.

В России либерализм ассоциируется больше с экономическими категориями – такими, как свободный рынок, поддержка бизнеса (поэтому ассоциируется с именами лидеров правых – И. Хакамады, Е. Гайдара и др.). Таким образом, в России либерал – это правый, он противопоставлен левым и президентскому центру. Поскольку отношение к правым либералам в современном российском обществе весьма негативное, то данный концепт приобрел яркий негативно-оценочный ореол, а термины *либерал* и *либерализм* практически превратились в политические ярлыки и даже инвективы. *«Российский либерализм, который своими реформами привел страну к коллапсу и который был разгромлен на выборах в Государственную Думу в декабре 2003 года, деградировал настолько, что скатился до уровня политического мошенничества».*

Концепт «демократия» для американцев, прежде всего, ассоциируется с избирательным процессом (политики свободно соревнуются за голоса избирателей; избиратели свободно отдают свои голоса достойнейшим политикам). Для многих русских демократия, прежде всего, ассоциируется с отсутствием порядка и, соответственно, потребностью в сильной руке. *Нынче демократия – порядка-то нигде нет. Порядок демократии не повредит. Кроме навязшей в зубах дилеммы «демократия- порядок» есть еще такие не менее важные понятия, как компетентность, профессионализм.*

Различия в ценностных ориентирах и культурно-исторических традициях разных лингвокультур оказывают существенное влияние на поведенческие стереотипы и структурирование дискурса, в том числе и на характер коммуникативного воплощения традиционных жанров политического дискурса.

Специфика президентских теледебатов в США с позиций российского наблюдателя заключается в чрезмерной «заорганизованности», отсутствии прямого столкновения соперников, контроле эмоциональных проявлений, жестких условиях коммуникативной игры, которые оговариваются в начале каждой серии дебатов.

Выводы. Специфика парламентских слушаний Великобритании заключается в наличии особых форм адресации, невозможности прямого обращения к сторонникам или противникам (непосредственным адресатом всегда является Спикер), широком использовании архаичных слов и выражений, в театральности ритуальной процедуры голосования Division, в наличии специфических суб-жанров – в частности, таких, как «первая речь» и «речь для оппозиции» [2].

К числу поведенческих стереотипов в области политического дискурса следует отнести культурно-специфическую реакцию на политические события. Национально-культурная специфика реакции на политические события особенно ярко проявляется в сфере политического скандала. Проведенный М.Ю. Кочкиным сравнительный анализ реакции на российский скандал в американской лингвокультуре и реакции на американский скандал в российской лингвокультуре выявил относительно низкий резонанс скандальной информации в современном российском медийном и коммуникативном пространстве. Характерной особенностью дискурса американской реакции на российский скандал является ее утрированная драматичность как по форме, так и по содержанию [3].

Намеченные в статье основные направления лингвокультурной специфики политического дискурса могут лечь в основу системного изучения политического дискурса разных лингвокультур в сопоставительном и межкультурном аспектах.

Список литературы

1. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: Дисс. ... канд. филол. н. – Волгоград, 2002.
2. Китик М.В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе (на материале стенограмм заседаний Британского парламента): Дисс. ... канд. филол. н. – Волгоград, 2004.
3. Кочкин М.Ю. Национально-культурная специфика реакции на политический скандал в российской и американской лингвокультурах // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – С.111-115.
4. Hahn D.F. Political Communication: Rhetoric, Government and Citizens. – State College (Pennsylvania): Strata Publishing Inc., 1998. – 290 p.
5. Safire W. Safire's New Political Dictionary. – New York: Random House, 1993.

Поступила в редакцию 28.02.2005 г.